

Виталий Рожков

*Сундучок
бабушки Нины.
Сказ второй.*

Виталий Рожков
Сундучок бабушки
Нины. Сказ второй

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30804814
ISBN 9785449059161*

Аннотация

Бывают люди, которые дня не могут прожить без глупой шутки. Им кажется, что они творят добро, веселя других. А на самом деле доставляют море неприятностей. Как пастушонок, кричавший про волков. Ивашка совсем не такой...

Содержание

Сказ про Ивашку-пастушка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сундучок бабушки Нины. Сказ второй

Виталий Рожков

*Светлой памяти моей бабули, Нины Николаевны
Ворон, посвящается...*

© Виталий Рожков, 2018

ISBN 978-5-4490-5916-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказ про Ивашку-пастушка

Было это али не было, не могу точно сказать. Хотя я тогда уже давно на свет появилась и даже замуж за деда твоего выйти успела. Ох, и трудный же он человек был! Чуть что не по евонному, такой сразу ор поднимал, хоть святых выноси. Но я-то любила его всем сердцем, дурака старого. Или вот спрошу о чём-то, так таким сразу важным, как павлин, становился. Мол, дура ты неотёсанная, а я жизнь-то познал. Обидно, порой, до слёз было. Я и спрашивать-то вскоре совсем перестала. Своим-то умом оно как-то лучше думать. Сам же видишь, что сканворды словно орешки щёлкаю. Хотя руки у него золотые были. Что где сломается-мигом починит. Правда, после водовку просил. Любил хмельную, но не до поросячьего визга. Но, что греха таить, как выпьет, таким сразу ласковым становится, ну я и таяла, что твоё эскимо. Так и прожили вместе сорок пять лет. Тяжело уходил, я все слёзы выплакала. Царствие ему Небесное!

Что-то я заболталась совсем, прошлое припомнив. Пора и сказку новую сказывать. А то ты, смотрю, совсем притих. Прости бабку свою болтливую, Христа ради. Ну, сядь поудобнее и слушай внимательно-внимательно. Итак, расскажу я сегодня про пастушонка нашего, Ивашку.

Случилось это тогда, когда самолёты твои ещё даже

и во сне не снились. А про машины только Макар-золотые руки, умелец царский, думал. Человек-то очень хороший был! Всем на помощь всегда прийти спешил. Любили его люди как родного. Хотел Макар, чтобы царь наш Иван не по лестнице сам спускался своими дюже большими ногами (как-никак, шестьсот лет стукнуло в мае, хоть и родился в этом месяце, но в жизнь не маялся никогда), а при помощи агрегата чудного, лифтом прозываемого. Думал, гадал да и придумал. И царь наш стал тотчас же радёхонек-прирадёхонек. Ещё бы, ноги-то вовсе болеть перестали. Да не о нём речь сейчас. Хоть и мудрым дюже правителем был. Хотя, почему был? Говорят, что царь Иван и до сих пор живёт себе не тужит на пенсии, рыбака да сказки сочиняя.

В селе Кукуево, где когда-то проживал купец Авдей с доченькой своей Марфой, да женой, ясноокой Чеславой и детками, Марьей и Окулиной, жил да был старик один древний, Николаем Пантелеймоновичем кликали. Никто и не помнил, сколько ему лет. Мол, сколько себя помним, он всегда на виду. Да дед Николай и сам этого не знал. Оно ему и ненужно вовсе было. А славился старик этот уменьями своими. Мог и ложки выточить, да такие, что сами щи да кашу хлебали; и колыбельку для младенца сварганить, в которой даже самая рёва-корова мигом успокаивалась и спать укладывалась; и свистульки всякие смастерить, что у хворобного все его напасти как рукой снимали, а того, на кого тоска зелёная зло-

чая напала, мигом счастливым делали. Чудо был, а не человек! Но не только это мог дед Николай творить, с первой зорьки и до самой поздней ночи покоя не зная. Умел он так сказки да были рассказывать, что все, и дети, и взрослые, его с открытым ртом слушали. А после другим передавали и текла слава о мудром старике рекой по белому свету. Жил дед Николай в старом доме, что ещё его прадед построил. То стены поправит, то крышу перекроет, то печку перекладёт. Держал скотину: корову Окулину, что молоко целебное давала любые хвори излечивающее; свинью Дарью, от хрюканья веселого которой сердце петь начинало; шесть овец, прозванных Светкой, Глашкой, Наташкой, Парашкой, Пестимеей да Авдотьей, шерстью своей славящихся, любой камень простой в золото обращавшей. В конюшне конь ретивый, Буцефал (дед-то о многом знал, чем минувшее-то славилось), да лошадь Нефертити, детишек с ногами больными лечивших. Пять кур, Пеструшка, Краснушка, Несушка, Душка, Дарушка – давали каждый день по пять яиц, мигом даже самый страшный голод утолявших. Петух, Пётр Петрович своим голосом мог и разбудить, и спать уложить. Пёс Палкан никого на порог чужого не пускал, хоть и ласковым был очень. Каждый день дед Николай начинал с кормёжки своих любимцев, потом гривы Буцефалу да Нефертити расчёсывал гребнем золотым. Поливал огород, на котором росли не только огурцы с тыквою, лук с чесноком, капуста с брюквой да репой, укроп с сельдереем, но и арбузы с дынями. Цветы разные,

глаз радующие, от вредителей уксусом опрыскивал. А после на речку шёл (причём год круглый) и или купался, или рыбу ловил. Страсть, как ушицу тройную любил! Жена его, Настасья, уж как двадцать годков на небесах была. Сын да дочь выросли и в Муром жить уехали. Внуки каждое лето приезжали, радуя старика. Любил их дед страшно! Каждый раз игрушки новые мастерил. Но большую часть года дед Николай один был совсем. Бывало, проснётся с зорькой первой, глянет в таз медный, до блеска начищенный, и, хитро улыбнувшись, скажет:

– Есть ещё порох-то в пороховницах!

Но потом посмотрит на игрушки внуков да так вдруг сразу ему тоскливо станет, что слёзы, нет-нет, да и накатят. Тогда дед Николай садился на лавку и до поздней ночи что-то мастерил, делом от мыслей своих спасаясь невесёлых. Как-то раз, возвращаясь из лесу, где искал подходящие коряги да ветки, услышал детский плач, раздающийся из кустов малины. Сердце защемило и дед Николай молнией туда кинулся и вскоре уже в руках держал младенца, в шёлковую тряпицу запеленутого.

– Эх, – вздохнул старик, – и где ж мать-то твоя-кукушка?

Но младенец, схватив его палец, улыбнулся и стал сосать его словно соску.

– Ах, что же это я, дурень старый! Ведь ты, наверно, есть хочешь? – воскликнул вдруг дед Николай и со всех ног понёсся домой.

Согрел молочка в маханькой кружечке и дал мальцу. Вскоре. Насытившись, тот заснул. А старик так всю ночь с ним на руках и просидел. Все сердцем своим добрым да душой чистой полюбив мальчонку.

– Назову-ка я тебя Ивашкой, – сказал дед Николай, как только Пётр Петрович огласил всю округу.

Малец улыбнулся и что-то загугукал на своём языке, никому непонятном. Прошли годы и Ивашка вырос в высокого статного парня. Девки сельские по нему сохли и каждый вечер на завалинке песни пели. Но сыну деда Николая свобода была всего дороже. Ещё с малолетства стал он пасти коров сельских на лугу зелёном близ речки Кукуевка. Справно дело своё выполнял. Ещё ни разу ни одна корова от зубов волчих не пала. Все его за это очень любили. Ивашка помогал деду Николаю по хозяйству да учился премудростям его, вскоре став мастером знатным. Люди то лавку новую заказывали, то колыбельку, а то и прялку. Заказов было хоть отбавляй. Дед Николай на сына своего никак нарадоваться не хотел. Денег тогда ещё не было и люди еду приносили. Так что жили они не тужили. Однажды дед, как обычно собрав в круг детей да взрослых, сказку новую начал:

– Было это лет двести назад. Мой прапрапрадед тогда ещё совсем младенцем был. Жил в нашем селе Кукуево пастушонок один, Митькой звали. Ленивый был до жути. Вечно у него то голова болела, то спину ломило, как у старика какого. Люди и рады бы коров своих ему не давать, да только

других пастухов у нас не было. Петька Косой, дурак деревенский, в колодец пьяный свалился. Вот и приходилось сельчанам на Митьку надеяться. Как-то раз пас он коров и вдруг ему так скучно стало, хоть плачь.

– Волки! Волки! Волки! – вдруг закричал громко Митька, хотя клыкастых и в помине не было.

Люди с вилами да топорами прибежали покрасневшиеся. Глядь, а Митька лежит себе на травке, да улыбается хитро.

– Ух, нелюдь! – крикнули сельчане и назад ушли.

В следующий раз снова пастушонку скучно стало.

– Волки! Волки! Волки! – закричал он громко, хоть опять никого и не было.

Люди с вилами да топорами прибежали, дела все побросав. Глядь, а Митька этот снова на травке лежит да насмехается.

– Уф, озорник, и дадим мы тебе по шее! – крикнули сельчане и по домам.

На третий раз волки на самом деле из лесу вышли, видать им обидно стало. Набросились на коров да телят.

– Волки! Волки! Волки! – благим матом заголосил Митька, да только никто не прибежал на помощь.

Люди уже не верили лживому пастушонку. Покончив с коровами, волки набросились и на него. Обеспокоенные люди пришли утром на луг и ничего кроме белых косточек и не увидели.

Никогда не лгите, люди добрые, ибо обман вам жизнь всю

поломает.

Выслушав отца названного своего, Ивашка улыбнулся и махнув рукой, сказал:

– Да я волкам бы этим голыми руками пасть порвал!

– Не зарекайся, сынок, – улыбнувшись сказал дед Николай, – а вдруг и на самом деле беда придёт.

Но Ивашка снова рукой махнул. Мол, сказки всё это. Пошёл он как-то на луг заветный и, пока коровы травку щипали, достал дудочку самодельную и стал играть на ней. От чудной мелодии даже птицы петь перестали. И не заметил совсем, игрой увлечённый, Ивашка гостей незваных. А как увидел, то уж поздно было что-то делать. Вскочил и взяв палку попытался клыкастых отогнать от коров, жалобно мычавших.

– Волки! Волки! Волки! – закричал громко парень, да только до Кукуево не докричатся никак было.

«Что же делать?» – подумал горемыка.

– Смертный, уйди-ка ты лучше с дороги! – вдруг прорычал кто-то.

Ивашка обернулся и чуть рассудка не лишился. То с ним не человек говорил, а волк. Присмотрелся Ивашка получше и вдруг понял – Волкодлак это проклятущий. Бросился к осине и сломал крупный сучок, ножичком заточил как мог, острым его сделал.

– Не подходи, упырь окаянный! – крикнул парень, размахивая осиновым колом.

Но Волкодлак лишь оскалился в улыбке, клыки свои огромные показав.

– Куда тебе, дубине стоеросовой, супротив меня идти! – зарычало чудище, вращая глазищами. – Уйди с дороги! Нето до гроба жалеть будешь!

Но Ивашка был не трус.

– Не дам тебе коров сожрать! – крикнул он и со всего размаху всадил в сердце Волкодлака осиновый кол.

Взвыл нехристь, да не издох только.

– Дурья твоя башка! – зарычал вновь – Колом осиновым меня не убить! А за дерзость твою я заберу тебя к себе в логово! Век мне слугой будешь!

Ивашка хотел было снова окаянного колом ударить, да только чудище схватило его лапищами своими и в лес убежало.

Прождав до полудня сына, пошёл дед Николай на луг заветный. Коровы все целёхоньки были, только напуганные очень. А Ивашки и след простыл.

«Недоброе что-то случилось», – подумал старик и вдруг на траве след волчий увидел, от крови видимым сделавшийся.

– Волкодлак, проклятуший, снова объявился! – крикнул дед Николай, в сердцах ударив себя по седой голове.

В ту самую пору по всей Руси-матушке слава семимильными шагами про чудо-витязя одного шла. Ударится, мол,

он оземь и тотчас же зверем зарычит али птицей вольной в небо взлетит. Всех тварей божьих язык понимал. Мог даже и камень разговорить. Лук его всегда стрелу точно в цель посылал. Меч разил без отдыху. А голос зычный за триста вёрст слышно было. Не раз чудо-витязь людей спасал, заходя о беде предупреждая. Даже самый малый писк мышинный за семьсот вёрст слышал. Погоду ненастную одним щелчком пальцев исправлял. Мог как по земле перемещаться, так и по воде, даже сапог не замочив. Гусли в его руках как живые были, всех в пляс пускаться заставляя. На любом празднике ему рады были. А уж как за дудочку возьмётся, так все птицы петь перестают и слушают. Золотые его руки могли всё, что угодно, смастерить да починить. Он и кузнец был справный, и плотник со столяром кудышный, и и пекарь, и лекарь. Словом, всё умел на свете делать. В руках его крепких любой младенец плакать переставал. А как чудо-витязь былины сочинял да пел потом их люду разному про то, о чём деды-прадеды помнили да сам видел – все слушали и заслушивались. Глаза его бездонные голубые любого насквозь видели, неважно, зверь, ли птица, ли гад какой, или человек. Говорили даже, что герой этот славный праправнук самого Волхи Всеславьевича, деда царя Ивана. Кто-то не верил, а кому-то это по душе было. Но никто ни разу имени богатырского не слыхивал. То ли забывали спросить, то ли ещё из-за чего. Да только и продолжали звать то чудо-витазем, то богатырём. А на самом-то деле герой этот сам не хотел

имени своего, при рождении данного, говорить никому. Ибо считал, что тогда власть над ним лютая будет.

Чудо-витязь всю землю обошёл вдоль и поперёк, всем помогая, себя не выставляя. Побывал и в Подземном Царстве, что меж корней дуба Карколиста находился, посреди Моря-Окияна, на острове чудесном Буяне. Там с Виём Змеевичем, правителем тамошним, договор вечный заключал. Дабы тот души окаянные грешников и сам не неволил, и сёстрам своим, Горыням, да матушке Параскее с мороками ужасными не давал. Поначалу Вий Змеевич, средний сын Индрика Змея, что правил Подземным Царством триста лет назад, хорохорился. Мол, что хочу, то и делаю. Но чудо-витязь его за грудки схватил да как пушинку над собой поднял, сказав сурово:

– Будешь артачиться, как отца твоего оземь грохну и дух сразу свой нечистый испустишь.

Испугался страшно тогда Вий Змеевич и тотчас же договор подписал.

– То-то же, – улыбнулся тогда чудо-витязь, – коли попробуешь слово своё обратно взять, накажу сильно.

– Да как же это, богатырь, я супротив тебя-то пойду? Чай, не враг себе какой, – пытаюсь улыбнуться, ответил Вий Змеевич.

Чудо-витязь усмехнулся в чёрные усы и на свет божий вышел. А сын Индрика Змея, оставшись наедине с собой, стал волосы рвать, всё и вся проклиная громко. Даже матушка

его, Параскея, не смогла сына успокоить, как обычно это делала. А Горыни и мороки сразу по тёмным углам попрятались, очень гнева Вяя Змеевича опасаясь. Индрика Змея, отца злыдня, когда-то жизни лишил сам Волха Всеславьевич. И сделал это не только потому, что кровожадный правитель Подземного Мира когда-то мать его, Мать-Сыру-Землю очень сильно обидел, желая её всем своим чёрным сердцем. Она отдыхала в Ирейском саду Небесного Царства и случайно наступила на гада ползучего. А тот Индриком Змеем и оказался. Набросился на Мать-Сыра-Землю, родную дочь Сварога, правителя Небесного Царства, и боль лютую ей причинил. Как подросток Волха Всеславьевич, так и узнал обо всём, поклявшись отомстить обидчику матери своей доброй. А Индрик Змей, думая, что уж в Подземном-то Царстве его никто не достанет, как-то взял да и щит поставил перед душами праведников по пути в Ирей. Мол, все теперь мне служить будут.

Сам Сварог, отец всего сущего, попросил Волху Всеславьевича, внука старшего и любимого своего, разобраться с извергом. Ну богатырь взял и оземь Индрика Змея со всех сил своих небывалых грохнул, хотя тот и отцом его родным был.

И в самом Небесном Царстве, что в самой кроне дуба Карколиста находится, побывать успел, со Сварогом и детьми его совет держа. Тогда беда страшная на Руси-матушке при-

ключилась. Повадились кто-то, душой и помыслами нечистый, дев молодых похищать да в нежить всякую и чудищ ужасных обращать. Царь Иван сразу к ведунам древним, что и в прошлом, и в настоящем, и в будущем жили, обратился за советом мудрым. Самый старый из них, Феофан, и поведал об изверге окаянном. Мол, тот из мира иного, чуждого нашему Тридевятому, явился. Ни зверь, ни птица, ни гад, ни человек. Сила у него могучая, колдовством как самая древняя колдунья владеет, невидимкой по Руси-матушке ходит. Лишь сам Сварог знает, как с ним справиться. Вот чудовищ, соколом обернувшись, и отправился в Небесное Царство. В чертоге своём золотом встретил его как родного Сварог. Накормил до отвала, напоил мёдом сладким до хмели лёгкой, а потом и расспросил обо всём. Ведь не всегда Белка по ветвям дуба Карколиста новости приносила, о которых ей Волк да Сокол рассказывали, по земле бегая да в небе летая. Выслушав, сказал Сварог:

– Помогу я тебе Русь-матушку, сердцем моим горячо любимую, спасти от изверга этого окаянного. Да матерей и отцов от гоя лютого избавить. Есть у меня меч-кладенец, что и камень, и металл всякий словно масло мягкое нарезает. Только с его помощью победить ты сможешь, богатырь. Да сапоги-скороходы, дабы быстрее ветра как по земле, так и по воде да по воздуху, передвигаться смог. А вдвесок – шапку-невидимку подарю. Злыдень этот Асмодеем зовётся. Он из самой Геенны Огненной явился, что за Великой

Стеной Вечности, охраняющей миры наши от пришельцев злобных, находится. Говорят, Асмодей этот самый могущественный там. Ненавидит всё и вся до жути. Очень мстительный, завистливый, ревнивый и спесивый. Хитростью какой-то, про которую мне неизвестно, смог он миновать Стену Вечности волшебную. Хотел было, злыдень, повелителем Небесного Царства стать, меня и детей моих со свету сживя, да только зря к нам явился. Даже под личиною нищего странника Перун, старший сын мой, Бог княжеский, его сущность звериную разглядел. Бежал окаянный со всех ног. Думал я, он к себе возвратился в Геенну Огненную, да нет, к вам, в Поднебесное Царство направился, творя безобразия всякие ужасные. Как справишься с Асмодеем, богатырь, так сразу или с белкой весть пошли, или сам появишься.

Поблагодарил его чудо-витязь и взяв подарки ценные, назад, в Поднебесное Царство, отправился. А там его уж царь Иван с нетерпением дожидался.

– Ну, богатырь, – спросил, – как сходил к Сварогу великому?

Чудо-витязь ему обо всём и поведал тогда.

– Да-а, – сказал царь Иван, – непросто будет с Асмодеем окаянным совладать-то. И как его, злыдня, и найти-то? Ведь невидимкой по Руси-матушке ходит.

– Не беспокойся, твое величество, – улыбнувшись в свою чёрные усы, молвил чудо-витязь, – я же тоже не лаптем щи хлебаю.

– Ну, тогда на тебя вся надежда, – вздохнув тяжело, сказал царь Иван, – победишь зверя лютого – почесть тебе и слава в веках. Падёшь в битве ежели – беда будет ужасная.

Поклонился ему чудо-витель и на поиски Асмодея отправился. Долго ему злыдень этот не попадался. Да только у богатыря терпение железное было. Как-то попал он в деревеньку одну и на ночлег к купцу тамошнему напросился. Тот и пустил к себе в дом. Накормил, напоил да обо всём расспросил. Узнав, что чудо-витель супротив изверга лютого идти хочет, рассказал о горе своём:

– Дочку мою старшую, Авдотьюшку, этот супостат увёл силою, в прошлом году. Пытался я ему противостоять, да только тщетно. Околдовал меня он, в камень обратив. Хорошо, ведунья наша, Никифоровна, толк в колдовстве знала. Мигом мне облик прежний вернула. И стал я тогда думу думать, как дочь спасти старшую да младшую уберечь. Ничего путного в голову не приходило. Совсем отчаялся. Но на счастье моё ты объявился. Спасёшь дочь мою, зятем любимым станешь.

Ночь уж была и купец, дочь младшую, Наталью, поцеловав, спать пошёл. А чудо-витель никак не спалось.

«Смастерю-как я что-нибудь», – подумал и стал игрушку чудную делать, чтобы дитя, играя с ней, уму-разуму набиралось.

Делал, делал, да и носом клевать стал.

«Надо бы и поспать маленько», – решил, да вдруг кто-то

мимо него прошёл, глазу невидимый.

«Никак, сам Асмодей окаянный пожаловал?», – спросил себя чудо-витязь и, надев шапку-невидимку, замер на месте.

А изверг, это был имеено он, подкрался к Наталье спящей и, закрыв ей рот, чтобы не кричала, попытался выкрасть.

– Стой, нехристь! – громко крикнул чудо-витязь.

Асмодей обернулся – никого.

«Померещится же всякое», – решил злодей и взял Наталью на руки.

– Выходи на бой, Асмодей проклятуший! – крикнул богатырь, меч-кладенец из ножен серебряных выхватив.

Обернулся изверг – опять никого.

«Я что, рассудка что ли лишился?», – спросил себя и попытался унести Наталью.

Но чудо-витязь, сняв шапку-невидимку, встал на его пути стеною неприступной. Асмодей, озверев от злости, стал вдруг видимым и, вырасши до потолка, навис над богатырём, зарычав грозно:

– Жизни сейчас лишу тебя, прыщ никчёмный!

И стал что-то быстро-быстро лепетать на незнакомом чудо-витязю языке. Тут же богатырь сильно затосковал, чуть не заплакав. А Асмодей, видя это, громко захохотал.

– Что это со мной?! – воскликнул вдруг герой и наваждение тотчас же исчезло.

Асмодей, с удивлением на него посмотрев, взмахнул рукой и перед чудо-витязем стена огненная непреступная воз-

никла, а из неё понавывлаживали чудища разные, пытаюсь рас-судка лишить.

– Эка невидаль – крикнул богатырь и мечом-кладенцом, крест-накрест, ударил по огненной стене, она и исчезла.

Покраснел от гнева Асмодей и, забыв про Наталью, хлопнул в ладоши. Тотчас же в его левой руке щит появился, а в правой – огромный пятипудовый меч.

– Берегись, смерд! – закричал злыдень и хотел было с одного взмаха снести противнику храброму голову.

Да только сломался, словно прутик, меч огромный о сталь закалённую. Испугался тогда Асмодей и, плюнув под ноги, облаком обернулся и в окно вылетел. Чудо-витязь сапоги-скороходы на ного натянул и в погоню. Словно от ветра сильного быстро удалялось облако. Но богатырь нагнал его и, взмахнув мечом-кладенцов, порубил на самые мелкие кусочки.

– Победил ты меня, смертный! – крикнул Асмодей, истекая чёрной кровью, став прежним – Мои братья кровные тебе отомстят!

Схватил его за грудки чудо-витязь и спросил громко:

– Где ты, злыдень проклятуший, пленниц своих держишь?!

Громко застонав от ужасной боли, Асмодей крикнул:

– Тебе никогда не найти моё логово!

И тут же растаял в воздухе, словно его и не было вовсе. А чудо-витязь пригорюнился. Ведь не спас же он Авдотьюш-

ку да дев остальных. Вдруг сокол к нему с небес опустился.
– Знаю про печаль твою, богатырь, – подмигнув правым глазом, сказал он, – покажу логово этого изверга. Лети за мною следом.

Принял чудо-витязь облик воробушка малого, даже сапоги-скороходы не сняв.

«Помогут мне как ветер быстрым стать», – подумал богатырь.

Долго летели они. Уж и леса миновали все Тридевятого царства. И Море-Окиян перелетели. А конца-краю пути не видно. Лишь к ночи следующей долетели.

– Вот оно логово изверга, от глаз чужих заклатьем спрятанное, – сказал сокол и улетел по делам своим.

Облик человеческий приняв, моргнул богатырь трижды и слеза, появившись, тут же с глаз и сняла пелену заклатья. Перед чудо-витязем пещера показалась тёмная-притёмная. Дважды хлопнув в ладоши, богатырь создал пламя негаснущее и пошёл искать пленниц. От света волшебного светло как днём стало. Долго шёл чудо-витязь. Трижды с чудищами бился, поборов их. Четырежды с Обротнями встретился, пытавшимися сожрать его. Сразил мечом-кладенцом. Дважды мороки, призраки тёмные, нежитью обратить хотели. Да только меч-кладенец и их со свету сжил. Вдруг не гаснущее пламя заколебалось, как будто ветром повеяло. Чудо-витязь ещё немного прошёл и наконец увидел впереди свет. А когда и до него добрался, то увидел девицу-красавицу, томящуюся

за пудовой решёткой. Взмахнув мечом-кладенцом, чудо-витель перерубил, словно прутик, металл. Девушка, став свободной, бросилась к нему и стала горячо целовать.

– Не Авдотьюшка ли ты, дочка купца Еремея? – улыбнувшись, спросил богатырь.

Она самая, – ответила девушка, не переставая целовать спасителя.

– А ты, случайно, других пленниц не видала? – вновь спросил тот.

– Они в чудищ обращены всяких страшных, да нежить лютую, – вдруг погрузнев, ответила Авдотьюшка, – их изверг окаянный под замком волшебным держит и лишь по ночам выпускает. Горемычные ему смертных приводят на пытки страшные.

– Проводить сможешь? – спросил богатырь.

Девушка кивнула и пошла вперёд. Вскоре перед чудо-вительем ещё одна пещера тёмная открылась, из которой, то ли рычание, то ли мычание доносилось.

– Я тут останусь, – сказала Авдотья, – страсть, как их боюсь.

Богатырь кивнул головой и вошёл в темноту. Вскоре он увидел чудищ да нежить всякую.

«Несчастные», – подумал чудо-витель, всем сердцем их пожалев.

И тотчас же чудища да нежить снова в девушек обратились.

– Спасибо тебе великое, спаситель наш, – сказала, поклонившись до самой земли, самая старшая из них, – лишь только сердце чистое да душа светлая могли нам прежний облик человеческий вернуть. Мы тебе теперь по гроб жизни благодарны будем!

– Идите домой, – ответил богатырь, покраснев как маков цвет (не любил он похвалы), – живите долго и счастливо.

Девы, все вместе поклонившись ему до самой земли, тотчас же разошлись по всем сторонам света. А чудо-витязь, взяв под руку Авдотью, которую уже полюбил всем своим сердцем, пошёл в деревню к отцу её. Еремей от радости на двадцать лет помолодел. Пир на весь мир устроил да про свадьбу речь завёл.

– Ежели Авдотьюшке я люб, то и справим свадебку, как только начатое доделаю, – сказал герой.

Купеческая дочь, услышав это, бросилась ему на шею:

– Люблю больше жизни!

– Вот и ладно! – сказал Еремей – Быть пышной свадьбе!

Переночевав, собрался богатырь к Сварогу на поклон.

– Возьми меня с собой, друг милый, – попросила Авдотьюшка.

Чудо-витязь и отказать не смог.

– Только туда, куда я путь держу, ни конному, ни пешему, ни в ступе, добраться нельзя. Лишь птица долететь может, – сказал он, – обращу-ка тебя в лебедушку, а сам воробышком малым стану.

Сказано-сделано. Как добрались они до чертога сварожьего, так и на пир великий попали сразу. Все дети создателя всего сущего за столами сидели рядом с воинами, что жизнь свою ради счастья других отдали.

– Знаю, знаю, – сказал, улыбнувшись, Сварог, – победил ты Асмодея проклятущего. Да дев спас из логова его. За то тебе слава вечная во всех мирах и мой почёт. Дары себе может оставить, пригодятся ещё не раз. Сейчас пируй вволю, а завтра разговор к тебе важный будет.

Сел чудо-витязь за стол подле него и вскоре захмелел от мёда, рекой льющегося. А Авдотья была рядом с ним, квас попивая да пряники медовые поедая. Всё ей в диковинку было. Как-никак, с самими небожителями за столом пировала. Дети Сварога за ней ухаживали, как за родной. Лишь к утру угомонились, разойдясь по палатам. Авдотья, растолкав чудо-витазя, сказала:

– Пора и нам поспать немного.

Но тот, нежно погладив её по голове, произнёс:

– Ты, любимая, иди. А мне ещё со Сварогом повидаться надо.

Девушка, сладко его поцеловав, ушла вслед за служкой. А богатырь пошёл к Сварогу.

– Вот, что я хотел тебе сказать, – произнёс создатель всего сущего, – ты прапрапраправнук мой.

Услышав это, чудо-витязь не поверил ушам своим.

– Да, это чистая правда, – прочтя его мысли, сказал Сва-

рог, – Волха Всеславьевич, богатырь былинный, твой прапрадед.

– Это что, значит Вий Змеевич мой дядя?! – спросил тут чудо-витязь.

– Да, к несчастью это так, – вдруг погрузнев, ответил небожитель, – а Мать-Сыра-Земля твоя родная прапрапрабабушка.

Никак не мог поверить богатырь в это. Но ведь Сварог-то врать не станет. Как-никак правитель Небесного Царства и повелитель всех миров.

– А раз ты мой родич, то имеешь все права занять мой чертог, как только я уйду в Вечность, устав от дел праведных, – продолжил небожитель, – поэтому есть у меня к тебе просьба одна великая.

Сварог поближе к прапрапраправнуку наклонился и тихо сказал:

– Стань исполнителем воли моей во всех мирах, даруя счастье и справедливость.

Чудо-витязь посмотрел на родича и кивнул.

– Вот и хорошо, – улыбнувшись, молвил Сварог, – в помощь тебе будут и белка с волком да соколом, и слуги ловкие да сильные мои, все силы природы да знахари с ведунами и колдуньями. Дети мои по первому же зову твоему являться будут. Как-никак, ты их племянник прапраправнучатый. Да, чуть не забыл, Авдотья тебе самой судьбой завещена. Проживёшь с ней в достатке и счастье триста лет. Потомки ва-

ши до скончания веков все миры прославлять будут своими делами чистыми, способностями волшебными умы поражая. А как срок придёт Авдотьи твоей, к себе её заберу. Пусть бессмертной до последней зорьки будет.

Сварог поднялся с лавки и, обняв богатыря, тихо сказал ему:

– Отныне ты можешь не бояться имя своё, при рождении данное, вслух произносить, боясь под волю чужую попасть. Ибо я тебе новое скажу, силу могучую имеющее.

Он, воздев над внуком длани свои, что-то начал говорить на древнем языке. Вдруг богатырь ощутил силу великую, по всем членам его разливающуюся.

– Нарекаю тебя Белозаром, что просветлённый означает, – еле слышно шепнул Сварог, – помни, что никто не должен знать твоего тайного имени. Сам знаешь почему. А теперь иди поспи хоть немного. Вечером в путь обратный отправишься с невестой своей.

Поблагодарив родича, чудо-витязь пошёл к любимой в палаты. А как вечер настал, попрощался со Сварогом и дядьями своим.

– Помни, мы всегда рядом, – сказал Перун, улыбаясь.

Снова обернулись они птицами и молнией в Поднебесное Царство спустились.

– Авдотьюшка, – сказал чудо-витязь, очутившись в доме купца Еремея, – мне надо к царю Ивану сходить. А вернусь, свадьбу сыграем.

На том и порешили. Стоило герою только войти в главные ворота дворца, как отовсюду трубы зазвучали, его прославляя.

– Ай, да молодец! – трижды расцеловав богатыря, сказал царь Иван – Ты отныне генерал и командующей всей армии. Прокон-то совсем стар стал. Я его советником твоим сделал. Так что, друг любезный, как попируешь вдоволь, так и принимай дела.

Три дня подряд столы от кушаний ломились да мёд с квасом рекой лились. А на четвёртый богатырь стал командующим армии всей могучей Тридевятого царства. Даже дядька Черномор со своей дружиной у него под началом был. А ещё через три дня к Авдотье милой собрался.

– Приглашаю тебя, твоё величество, на свадьбу, – поклонившись, сказал чудо-витязь.

– Обязательно буду, – улыбнувшись, сказал царь Иван.

Богатырь уж было собрался из дворца выйти, да только не успел.

– Слушай, друг ситный, – вдруг произнёс царь Иван, – а имя-то у тебя есть? А то всё богатырь, да богатырь. Не по-человечески как-то.

– Чудомилом меня кличут, – с улыбкой ответил чудо-витязь, теперь не опасаясь совсем.

– Какое правильное имя! – воскликнул царь Иван.

Как только богатырь добрался до деревеньки, то сразу же и о свадьбе завёл разговор. А через недельку на торжество

пышное съехалось почти всё Тридевятое царство, во главе с царём Иваном. Даже Сварог с сыновьями вниманием своим почтил, всей душой своей светлой за внука радуясь.

Прознал дед Николай, что богатырь этот в Муром приехал, и решил к нему на поклон пойти. А вдруг, сжалится чудо-витязь, и Ивашку вызволит. Попросив старую Дарью соседку его, за живностью присмотреть, запряг Буцефала и в Муром поехал.

Оказавшись в тёмном логове, Ивашка тотчас же закрыл рукой нос. Повсюду лежали кости с гниющим мясом, издававшим отвратительную вонь.

– Ничего, привыкнешь, смертный, – оскалившись в улыбке, прорычал Волкодлак, принюхавшись, – тебе же век теперь здесь куковать.

Он посмотрел по сторонам и продолжил:

– Вот что, пастушок, возьми-как ты да и приберись тут как следует. Сам видишь, недосуг мне. Сейчас сосну часок-другой, а после на охоту отправлюсь к тебе в село. Славные у вас девы, так и просятся в пасть.

Оборотень вдруг завыл и обратился в невысокого седобородого старика со злющими глазами и длакой (волчьей шерстью) на голове.

«Вот те на! – подумал Ивашка – А ведь он-то таким на свет уродился! Что там отец про таких говорил? Ах, да. Самые лютые из Волкодлаков. Пощады вообще не ведают. Когда хотят – люди. Ходят меж нас и пакости творят. Захотят, в вол-

ков обратятся. Скот режут, люд пугают. Нет от них никакого спасу. Даже серебром со свету не изжить».

Попривыкнув к темноте, он увидел в самом дальнем углу пещеры солому и сел на неё, скрестив ноги. Волкодлак, увидев это, грозно зарычал:

– Тебе что, непонятно что-то?! Сказал же, убирайся в логове!

Но пастух, вытянув, уже упевшие отечь, ноги, лишь усмехнулся. Мол, нашёл тоже дурака. Сам уберёшься, проклятуший. Хоть и стал оборотень человеком, да только сущность его звериная так и не исчезла. Он даже не просто сидел, а в стойке волчьей стоял, как будто бы к прыжку готовясь. И сила злая от него исходила, превращая всё вокруг в нечто ужасное. Даже обычный свечной огарок, стоявший на сосновом пеньке, выглядел как скрюченный палец мертвеца. Но Ивашка-то был не робкого десятка. Чего ему какого-то старичка безумного опасаться? Пусть и Волкодлак он окаянный. Оборотень хотел было ударить парня, да махнув рукой, как куль свалился на землю и вскоре заснул.

– Ух, изверг! – не боясь его разбудить, громко крикнул пастух – Дать бы по твоей мерзкой морде кулаком! А ещё лучше дубиной! Не прибью, так хоть покалечу!

Но Волкодлак даже и ухом не повёл, перевернувшись на другой бок.

– Ничего, – уже потише произнёс парень, – пробьёт и мой час. За все дела свои пакостные ответ держать будешь. А ко-

ли погибну, так другие со свету сживут.

Он вновь скрестил ноги и стал выдумывать план бегства:

«Может, пока изверг спит, я его по голове чем-нибудь тяжёлым огрею и сбегу? Нет, не годится! Во-первых, дубины рядом нет. А если захочу выйти из логова, то злыдень это тут же и почует. А, может быть, как снова волком станет, ему шерсть подпалить? Тоже нето! Не издохнет, а лишь злее станет. Совсем котелок варить не хочет!»

Устав сидеть, пастух решил, всё-таки, повыбрасывать гнильё, а то дышать очень трудно было. А сделав это, снова сел на солому и стал вспоминать всё, что говорил отец о Волкодлаках:

«Оборотни – это полулюди, полужвери. Но, в отличие от волков обычных, намного беспощаднее. Ибо в них не только звериная, но и человеческая сущность. Волки-то они что, из-за голода лютого зайцев да коров режут. А оборотни ради выгоды своей. Напугать там кого или со свету сжить.

Кто-то становится Волкодлаком после укуса такого же Волкодлака. Таких очень и очень жаль. Ибо не по своей воле доброй оборотнями-то стали. Они слоняются душами неприкаянными до самой гибели по свету белому. Вреда от них немного. На людей совсем не нападают, скот лишь пожирая. Кто-то, став после укуса Волкодлаком, до самой гибели от голода отказывается есть сырое мясо. Но это лишь сильные духом. Остальные же на шестой день всё челове-

ское теряют.

Кого-то в оборотня ведьмы всякие да колдуны обращают, надев пояс волшебный, заклятьем страшным проклятым. Зачем это лиходеи делают? Из зависти да ненависти ко всему роду человеческому. Оборотничество такое либо вечно, либо длится какое-то время. Заколдованные люди не теряют память человеческую и очень страдают от тоски. Они даже логова свои вырывают поближе к жилью. Облик прежний им можно вернуть двумя способами. Во-первых, накинуть сверху отцовский старый кафтан. Говорят, что пропитавшись потом людским, он заклятье-то и снимает. Или надо просто накормить горемык пищей, благословенной в пяти храмах. Знал я одного такого Волкодлака. Он каждую ночь приходил к родителям в амбар и те, жалея очень, кормили сына. Через семь лет человеком снова стал. Но... повадки звериные так и не смог забыть. Как-то ночью в горло к корове соседской вцепился, так его, насилу отравив от бедной скотины, палками и забили на смерть.

Кто-то превращается в оборотня просто надев шкуру волчью. Не понимаю я таких. Баловство да и только. Лучше бы пугалом обрядились и на на поле ворон пугать. Пользы-то больше было бы.

Колдуны да ведьмы добровольно в Волкодлаков обращаются. Они перекидываются через нож заговорённый в землю или пень воткнутый. Зачем? Ради мести или чтобы как

следует запугать несговорчивых. Захотели – волками стали. От обычных-то зверюг разве только самый востроокий и отличит. Захотят, обратно людьми станут. Ходят меж нас да пакости всякие творят. Знавал я одну такую колдунью, что через коромысло перекидывалась, Волкодлаком становясь. Каждую ночь коровы да овцы смерть лютую от неё принимали. Люди даже облаву на волков устроили, да только без толку. На следующую же ночь снова скотина горемычная пала. Ну сельчане руки и опустили. Делать-то не знали чего. А как кто-то повадился младенцев кровь пить, так люди вообще рассудок потеряли. Пошли в лес и всех волков повывели. Но... младенцы продолжали страдать. Как-то раз ведунья наша Никифоровна у внучки старшей, Меланьи, гостила, с правнучкой нянькаясь. Сидит она, значит, ночью у колыбели, убаюкивая девочку, и носом клюёт.

«Пора бы и на боковую, – подумала, – малая-то уж давно как угомонилась».

И на печь полезла. Да только заснуть и не успела. Вой волчий под окном послышался и зверь тут же возник кровожадный. Никифоровна прекрасно помнила, что дверь на засов закрывала.

«Что-то неладное творится, – подумала, – а ну-ка попритальнее пригляжусь к непрошенной гостье».

Слезла с печи и к волчице. А та, увидев её, грозно зарычала и в горло вцепиться захотела. Да только старушка-то

половчье оказалась. Схватила сковороду и по морде четырежды окаянную ударила. Волчица, взвизгнув громко от боли, как подкошенная и упала. А Никифоровна ей в глаза пристально и посмотрела.

– Да это же Волкодлак! – крикнула она, перебудив всех домочадцев.

Те вскочили и, увидев волчицу, оторопели. А ведунья, всплеснув руками, прикрикнула на них:

– Чего смотрите-то, взбалмошные?! Никогда, что ли, Волкодлака не видели?!

И мужу затем внучкиному, Егору, сказала:

– А ну-ка быстро топор в руки и голову извергине сруби!

Тот взял да и, не задумываясь вовсе, это и сделал. Тотчас же на месте волчицы баба соседская оказалась.

– Я всегда знала это! – воскликнула Меланья – Мне Агафья эта никогда по сердцу не была!

– Ай, да, и стерва! – вторил ей Егор.

– Вот что, дорогие мои, – сказала тихо Никифоровна, дождавшись пока они успокоятся, – положите-ка проклятушую в мешок да сожгите, чтобы возродиться не смогла.

Так муж внучкин и сделал. Долго не хотела гореть извергиня, да Никифорна травы какой-то подбросила и пламя тотчас же чуть ли не до небес самих полыхнуло. Дым чёрный поднялся, мигом всё вокруг закрыв. Видать, окаянная хотела ускользнуть. Да только Никифоровна что-то громко крикнула и дым как ветром сдуло. И вдруг вой волчий слышался.

ся со всех сторон сразу. Это колдуны да ведьмы сестру свою оплакивать стали. А как сгорело всё, ведунья прах в коробочку собрала и на кладбище закопала, водой святой землю освятив.

Но в Волкодлака обратить может и простой человек, если глаз да язык у него дурные. Жила у нас лет сто назад Параскея. Не поверите, точь-в-точь как правительница Подземного Царства была. Такая же злобная да завистливая. Всё ей не так было. И птицы поют громко, спать мешая; и дети соседские хуже мух надоедливых; и собаки дюже громко лают, дом сотрясая. Но больше всего баба эта Авдотью Смирнову ненавидела. У той и дом полная чаша, и муж любимый да работающий, и дети здоровые да добрые. Казалось бы, зачем завидовать? Возьми сама да и построй своё счастье. Но Параскее это вовсе и не нужно было. Мол, зачем я буду с кем-то ещё крышу делить да еду? Самой тесно да голодно.

Однажды дети Авдотьи заигрались и нечаянно толкнули злобную завистницу, тут же извинившись. Но Параскея от злости пятнами пошла. Схватила рукою левой горсть песка и бросив по ветру, крикнула:

– Кула! Кула! Кула! Станьте ж волками собачьи дети!

Тотчас же мальчишки шерстью волчьей обросли. Захохотала, словно безумная, злобная баба и домой спокойно пошла. А мальчишки к матери своей побежали. Как увидела Авдотья волчат, так сразу же за вилы-то и схватилась.

– Прочь, проклятушие! – закричала – Нето насквозь про-

ткну!

– Не надо этого делать, – вдруг сказал кто-то.

Авдотья обернулась и странницу древнюю увидала.

– Мир тебе, бабушка, – сказала женщина, – зачем остановиться пытаешься.

– Не волчата это, а дети твои околдованные злым сердцем, – ответила странница.

Как услышала то Авдотья, так и села на землю, чуть рассудка не лишившись. А странница достала из котомки своей порошок какой-то да и на волчат его и бросила, крикнув:

– Как зверьми были, так и людьми станьте!

Тут же дети Авдотьи прежний облик и приняли.

– Спасибо тебе, бабушка, сердечное, – поблагодарила её счастливая мать, – чем я тебе отплатить смогу.

Странница улыбнулась и ответила:

– Накорми да напои, красавица.

Авдотья старушку как родную и приветила.

– Вот что, милая, – откушав, сказала странница, – надо поскорей найти эту злобную извергиню, что Кулу на детей твоих наслала, да ко мне привести.

Сказано-сделано. Позвала Авдотья соседей и, всё им рассказав, попросила помочь.

– Никак, это Параскея наша постаралась! – воскликнул вдруг дед Андрей.

– Похоже на то, – вторила ему его жена Марфа, – я давно почуяла, что глаз да язык у неё дурные.

– Так пойдёмте к окаянной и сюда приведём! – крикнул кузнец Ммкола.

Ну соседи взяли да и пошли к злобной бабе. А странница, взяв Авдотью под руку, прошептала:

– Пока люди хорошие за зловредной извергинею пошли, мы с тобой отвар один приготовим. Кто выпьет его, всегда Волкодлаков да нечисть всякую распознать сможет. А если отваром в глаза дурные плеснуть, то они тут же силу свою ужасную и потеряют.

Пришли соседи к дому Параскеи, а та, увидев их из окна, крикнула:

– Никак, в гости решили зайти?!

– Не дождёшься! – погрозив кулаком, ответила бабка Марфа.

– Ведьма проклятушая! – вторил ей Андрей.

– За все пакости свои ответ держать будешь! – не отставал от них Микола.

Но злобная баба лишь рассмеялась в ответ. Соседи вошли в дом да купец и связал проклятушую крепко-накрепко.

– Зачем это? – вдруг испугавшись, спросила Параскея.

– Судить тебя будем! – ответил дед Андрей.

Взяли Параскею и повели к дому Авдотьи. А та уж давно отвар волшебный приготовила, слушая поучения мудрой странницы. Как злобную соседку привели, так Авдотья, отпив немного из кружки глиняной, прыснула ей остальное в дурные глаза. Благим матом закричала Параскея, закрыв

пылающие глаза руками. И вокруг неё дым чёрный вдруг появился.

– Это злая сила никак не хочет покидать тело соседки твоей, – пояснила странница, – сыпани-ка соли поскорей.

Авдотья так и сделала. Тотчас же дым и исчез, как будто его не бывало вовсе. Параскея успокоилась и, открыв глаза, воскликнула:

– Как же всё вокруг прекрасно!

С тех самых пор добрее её никого на всём белом свете не было.

Но Волкодлаком может сделать и проклятье материнское. Правда, ни разу ещё не слышал я, чтобы хоть одна женщина решилась на такой великий грех. Ведь свою кровиночку она под сердцем когда-то носила».

Волкодлак вдруг открыл глаза и закричал:

– А ну-ка, смертный, почеси-ка мне за ухом!

– Не дождёшься! – ответил Ивашка.

Оборотень вскочил и тут же волком стал. Хотел было уже горло наглему перегрызть, да передумал и из логова выскочил.

Приехал дед Николай в Муром и на том самом постоялом дворе остановился, где когда-то купец Авдей Фролыч с богатырём Ратибором встретился. О том даже былина была людьми сложена. На счастье деда Николая, хозяин постоялого двора сказал, что богатырь Чудомил у него остановился.

«Вот и славно!» – подумал отец Ивашки.

– Но сейчас его нет, – добавил хозяин, – как утром ушёл, так до сих пор и не появлялся.

Сел дед Николай на лавку да пригорюнился:

«Зря, что ли, ехал? Думал, поможет богатырь горю моему. Ан нет. Не получилось свидиться».

Хотел было он уже в комнату свою спать пойти, как вдруг Чудомил и появился. Пригласив героя былинного к себе за стол, дед Николай подозвал полового и заказал почек заячьих, голов щучьих, баранины с чесночком, блинов с сёмгой да квасу с мёдом хмельным. Не жаль было грошей ради сына. Чудомил, улыбнувшись, спросил:

– За что мне честь такая?

Тут дед Николай обо всём ему и поведал. Богатырь задумался и вскоре сказал:

– Помогу тебе сына из беды выручить. Но только ты со мной пойдёшь. Вдвоём-то оно как-то сподручнее будет.

На том они и порешили.

Но не в село Кукуево побежал проклятуший оборотень, как пообещал Ивашке, а к самому ужасному из злодеев Заповедного Леса, Кощею Бессмертному. Тот за ним Ворона старого послал с повелением срочно к нему бежать.

Триста лет назад Волкодлак поклялся Кощею Бессмертному самой сильной из клятв, клятвой на крови, в верности вечной и ни разу ещё не нарушил данное слово. Во-пер-

вых, очень боялся вздорного характера проклятущего злыдня, что аж пятнами покрывался от негодования. Не раз уж свидетелем был того, как тот расправлялся с нерасторопными слугами своими, то в нежить чёрную обращая, то в камень безмолвный, а то и вовсе со свету сживая взглядом одним, в прах обращающим. Во-вторых, верил в бессмертие хозяина. Мол, деваться-то некуда, вечность впереди. Хотя даже младенцу была известна тайна Кощеева. А в-третьих, просто-напросто, не любил думать своим умом, дабы потом не отвечать за поступки свои. А так во всём Кощей Бессмертный виноват вечно будет.

Волкодлак рыскал по белому свету в поисках детей некрещёных (и такие на Руси святой были, к несчастью, то ли родители их невежами были, то ли просто не хотели крестить по всем, принятым ещё князем Волхой Всеславьевичем, обрядам) да дев молодых, замуж не вышедших. Старики говорили, что в таких незамужних сила огромная волшебная таилась, способная везде: и под землёй, и под водой, и даже в тучах грозových золото да серебро находить. Порой, по три года к хозяину своему не возвращался. То ли от страха, кровь леденящего, то ли от лени своей огромной, то ли, просто-напросто, решил отдохнуть от постоянных желаний проклятущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.